

Виктор Устьянцев

**ПРАЗДНИК
НА ЧАС**

Детский
Суд № 16
г. Белая
Горы
Томская область

С. 11. 2013

А. В. Топорков

843
лирика

18 декабря 1994

Виктор Устьянцев

СТИХИ

**ПРАЗДНИК
НА ЧАС**

г. Белово 2007

5/6

О СЕБЕ

Раз как-то в поезде меня спросил старик.
«Ты чей, сынок, к примеру я - калужский...»
Он сед был, словно натянул парик,
Свисали волосы на лоб, как стружки.

Его вопрос меня застал врасплох.
Я рос в вагонах, как цыган в повозках.
И потому - назвать родным бы мог
Любой вокзал, что видел из окошка.

Как говорят, уж такова судьба.
Она меня с рождения носила.
Я б у любого выпрыгнул столба,
Да не в моих совсем то было силах.

Видать, любила бабушка цыган –
И воспылала страсть в отце к дорогам...
Потом войны кровавый ураган
Кружил и гнал к неведомым порогам.

И полюбил я реки и поля.
Милей всех джазов мне - колёс чечётка.
Вот только «чей, откуда родом я» -
Ответить деду не сумел я чётко.

Я из Кузбасса, Крыма, из Москвы.
Мне Сталинград разбомбленный
- наследство.

А как Амур мне дорог, знали б вы!
И это всё - и родина и детство.

1999

Камушки
из
действа

РУСАЛКА

Л. Кучере

Когда луна полночная
Отчётливо сверкнёт,
Русалка белокурая
Мне песенку споёт.

Споёт русалка песенку
И скроется в волне,
И чайки белокрылые
Промчатся в вышине.

Я крикну: «Чайки милые,
Возьмите вы меня!»
И с облака далекого
В пучину кинусь я...

Звени, волна прибрежная!
Луна, свети, пленя!
С русалкой белокурою
Вам не найти меня...

б кл.

Комсомольск-на-Амуре

МОЕЙ ШКОЛЕ

То ли это всё было?
То ль не было вовсе?
Белый снег... Школьный двор...
И весёлый звонок.
Двадцать пятая школа!
Пригласи меня в гости,
Чтобы всех, кто мне дорог,
вновь увидеть я мог.

Я забыть не могу
одноклассников лица,
Одноклассниц порою
твержу имена.
Отчего же разлука
нелепо так длится?
Чья, никак не пойму я,
в том злая вина?

Разве счастлив я
дружбою школьною не был?
И была мне любая беда -
не беда.
Но растаяло детство,
как облако в небе,
Чтобы больше уже
не приплыть никогда...

Где теперь Вы,
Елена Богдановна? Где Вы?
Так прекрасен когда-то
был строгий Ваш лик!..
Где русалочка Люда,
сидевшая слева?
Её косы, наверное,
кто-то остриг.

Не о ней ли стихи
я писал на уроке?
Рисовал её профиль
тайком ото всех.
Ах!.. Года размели
те рисунки и строки,
Превратив её облик
в мелькающий снег...

Я б хотел появиться
в том городе снова,
Где, как море - Амур
и где берег высок,
И нечаянно встретить
вдруг Кольку Петрова.
«Сколько зим, - прокричать ему, -
школьный дружок!..»

Кто? И что ты?..
К чему и зачем мне всё это?
Лишь бы весел, как прежде,
ты был и здоров...
Я и сам для себя
как вопрос без ответа,
А в итоге -
лишь горы наломанных дров.

Я сегодня,
как будто бы странник в пустыне.
Никого - ни друзей,
ни наставников близь.
В этом только лишь сам я,
наверно, повинен...
Двадцать пятая школа,
и всё ж - отзовись!

И поверь, не причуда,
что вспыхнула, тлея -
Этот крик мой
и, может быть, голос в ответ.
Потому что, чем ты,
в моей жизни светлее -
Ничего, никогда
не бывало и нет.

1989

НА ПЕРРОНЕ

Не в первый раз
стоять мне на перроне
И ощущать прощальную тоску.
Она пройдёт,
она в окне потонет
Под чей-то смех
и под колёсный стук.

Мне снова
дали крикнуть:
«Брось! Не надо!»
И, вырывая облегченья вздох,
Опять в груди
расправит крылья радость,
И странным станет,
что грустить я мог.

Года мои -
гудков густые звуки.
И пусть порой
не мог сдержать я слёз,
Я больше верил встречам -
не разлуке.
Ах, сколько раз
меня ты, поезд, вёз!

Меня везли ребёнком
в сорок первом
Сквозь бомб разрывы,
самолётный вой.
Я вот тогда и полюбил,
наверно,
В рубцах суровых
лик, Россия, твой...

Потом...
опять вокзалы и дороги.
И каждый раз
в ознобе стыла кровь.
Но забывал я все свои
тревоги,
Когда простор России
видел вновь.

Да, что-то есть
в её полях бессонных,
В просторе том...
а что, не разберу -
Сильней прощальной той
тоски перронной,
Сильней того,
чем в сердце чьём-то грусть.

1969

ВНОВЬ ХОЧУ УВИДЕТЬ МОРЕ

Уезжаю от метелей,
Уезжаю от пурги,
Салаирских хмурых елей,
И от города Юрги,
От заводов, от разрезов,
Льдом закованной Томи...
Краток отпуска отрезок –
Грусть, мне сердце не томи!

Я люблю, Сибирь, твой иней,
Перелесков белый дым...
Но ведь есть ещё и синий,
С самым синим морем Крым.

В санаторных там палатах
Я лежал перед войной,
Феи добрые в халатах
Колдовали надо мной.
Колдовали над другими,
Чуть дышавшими, как я.
И слагали волны гимны,
В царство сказок унося...

А потом кромешной силой
Разнесло младенцев рай...
Где меня бы ни носило –
Тот забыть не в силах край.

Вновь хочу увидеть море,
Услыхать прибоя гром –
Лишь бы только боль и горе
Не звучали в громе том.

Имена тех фей, что были,
Чайки пусть напомнят мне...
Вы во мне, во мне, те были,
Словно камушки на дне!
С поднебесного утёса
Поклонюсь быломu дню,
А печали отголосок
Ото всех захороню.

1971

ПРОСТИТЕ, ЧАЙКИ

Я иду вдоль причала,
Я иду, как во сне...
Сколько лет ты звучала,
Песня моря, не мне!

То ли дуют зюйд-весты?
То ли дует норд-ост?
Только нынче от ветра
Волны чуть ли не в рост.

Разбивается в брызги
Разъярённый прибой –
Вновь мне чудится: близкий
Разгорается бой.

Вы простите мне, чайки!
В сердце снова испуг:
Мессерами нечаянно
Я представил вас вдруг.

Снова слышу: у пирса
Наших пушек пальба...
Вон он «фриц» задымился –
Не поможет мольба...

Всё напутали ветры:
Дым от катера лишь,
А вверху над Ай-Петри
Несказанная тишь...

Мне лучами бы греться,
Слушать песню волны,
Но не вынуть мне детства
Из кассеты войны.

1971

ОГОЛЬЦЫ

Нахаловка... война...
землянки...
Снега - под самою трубой.
А вниз, в лога, летели
санки,
Где огольцы толклись
гурьбой.

Работы самодельной лыжи
Тем санкам уносились
вслед.
Там не бывал никто унижен
За то, что был смешно
одет.

Неласковых времён тех
дети-
Мы огольцами были
впрямь.
И рвал лохмотья встречный ветер,
Но был любой из нас
упрям.

С оторванным у шапки
ухом,
Быть может, был я
меньше всех,
Но как и все –
с трамплина ухал
И падал кувырком я
в снег.

«Тот, что из плена,
- говорили, -
Стал посильнее, наконец!»
И титул уличный дарили
Мне за отвагу -
«Оголец!»..

1987

И не гнал нас базарный
с култышкой.
Брал лишь с каждого
по три рубля.

Он одною рукой самокрутку
Ловко скручивал, словно двумя.
И войну проклинал
не на шутку,
Взгляд куда-то порой устремя.

Барахолка шумела, как улей.
Продавали там спирт
на разлив.
Кто-то громко выкрикивал:
«Жу-у-лик!...»
Кто-то пел про измену навзрыд...

Пыль немного когда
остывала,
Разгорался пожаром закат, -
Брел с буханкой до́мой я
устало,
Как из жаркого боя солдат.

Не видать бы базаров тех
сроду
И дорог, что тогда к ним
вели,
Только всё-таки -
пили там воду
И давали мальчишкам рубли.

1988

МАЛЬЧИШКИ

Мальчишки играют в войну.
Настроив из снега доты,
Они, защищая Страну,
Ложатся на пулемёты.

Потом они снова встают,
Как будто – не убивало...
Никто им не скажет тут,
Что так на войне не бывало.

1987

Вот и снова снег голубоватый
Устелил пригорки и лога.
Только, словно в чём-то виноватый,
Робок и застенчив он пока.

Был и я таким - когда-то в детстве –
Чересчур мечтателен и чист...
Рад, зима, тебя я вновь приветствовать,
Пусть восходов холодны лучи!

По душе мне и мороз и иней.
И, как будто никаких забот, -
Вновь смотрю с восторгом в бледно-синий
Мест родных родной мне небосвод.

Время, ты меня не изменило:
Не похож давно я на юнца, -
Но всё то, что в детстве было мило,
Остается милым до конца.

1970

* * *

Иду, где потемней
дорожки,
Где больше снегу,
меньше льда,
А месяц сверху
строит рожки.
Мне с этим месяцем
беда.

Такой он
несерьёзный слишком:
То вынырнет,
то вновь нырнёт.
И что возьмёшь с него?
Мальчишка!
Звездой, того смотри,
пульнёт.

Чтоб я не юморил
напрасно
Над озорством его
при том,
Что сам я вёл себя
ужасно,
Был, как и он -
озорником!

С моста нырял,
на крыши лазил,
По снегу бегал
босиком...
И вот, как будто кто-то
сглазил -
Плетусь,
леча себя стихом.

Март 1991

Казник
на
час

ОДА ВЕСНЕ

Оттай , душа!
Угрюмство, сгинь
С последней мартовской метелью!
Чтоб опьяняла неба синь
И удивляла легкость в теле.
Я быть хочу, я быть хочу
В плену у радости - не грусти.
Весна! Ты не чета врачу,
Который вам рецепт отпустит
И вымолвит: «Три раза в день
По порошку и ложке чайной...»
Не выдаешь ты бюллетень,
Врачуя всё-таки – отчаянно!
Груба порой судьба и зла...
К любому ты спешишь с участием.
Ты лечишь близостью тепла,
Надеждой новою на счастье.

1970

В. Булановой

Опять покрылось небо мглою,
И на душе опять серо.
Опять с томительной тоскою
Ищу бумагу и перо.

И что-то грустное и злое
Таит рябая муть в себе.
И мчится сердце молодое
К одной тебе, к одной тебе.

И рифмы вдруг возненавидев, -
Ныряю в непроглядный снег!
Чтобы тебя, тебя увидеть,
Тебя одну, одну из всех.

1950

*Красноярск 9,
ст. Базаиха*

Отчего мне так грустно становится?
Я рыдал бы, но слёз не найти.
Суждено ли тебе успокоиться,
Сердце страстное, в пылкой груди?

Я так молод, чтоб жизнь мне наскучила.
Только болен я всё же тоской.
Не любовь меня вовсе измучила,
Не она мой украла покой.

Жаль мне годы. Жаль юность мятежную,
Что пошла по неверной тропе.
Сколько сил я убил в бесполезную,
Сколько чувств схоронил я в себе!

Через лес, что туманом окутанный,
Как слепой, наугад я бреду...
Видно, ангел мой – сетью запутанный!..
Не зажёг надо мною звезду.

1951

Стонет ставня, словно мерзлый полоз.
Мёртвый свет свой месяц на пол льёт.
И далёкий, заунывный голос
Плачет, и рыдает, и поёт:

«Спи, умри, душа твоя устала.
Не горюй, не думай ни о чём.
Вас таких в земле уже немало...
Позабыли в мире обо всём.

Не горюй, расстанься с этим светом,
С этой глупой, брэнной суетой.
Над холмом могильным с каждым летом
Просыпаться будешь ты душой.

Равнодушным к ласке и обиде
Суждено тебе отныне быть –
Никого уж не возненавидеть,
Никого не будешь и любить...»

Лоб горячий тронув чуть рукою,
Понимаю я, что это - бред...
Из окна с космической тоскою
Месяц на пол разливает свет.

1954

За окном морозная,
голубая ночь.
Месяц улыбается,
светит во всю мочь...

Что ж ты разулыбился,
лысый чародей?
Много ль ума-разума
в голове твоей?

Вот глядишь ты призрачно
из-за облаков,
А тебя на землю бы –
Не был бы таков.

Злые люди-нелюди,
всё вокруг губя,
Быстро очернили бы
светлого тебя...

Чтоб не улыбался ты,
глядючи в лицо, -
Сделали б калекою
или подлецом.

Оттого, наверно, ты
высоко залез...
Хорошо ли там тебе
в холоде небес?..

Знаю, ты не скажешь мне
ничего в ответ.
Разливай по-прежнему
свой холодный свет!

1954

* * *

Здравствуй, май!.. Раскованность!..
Свобода!..

Долгожданный говор первых гроз!..
Сгинь, шальная, злая непогода!..
Прочь от сердца, холод и мороз!

Вновь душа отворена для страсти,
Для мечтаний светлых о любви...
Кто ты будешь, в чьей я буду власти?
Поскорей себя мне назови!

Будет час, быть может, предвечерний,
И закат уже начнёт алеть –
Я приду к тебе как друг твой верный,
Только ты узнай меня и встреть!

Чувства я свои скрывать не стану –
Ждал тебя я слишком много дней.
Целовать тебя я не устану,
Ты со мною тоже будь нежней!

О былом не спрашивай, не надо,
Мрачных дум и грусть не наводи...
Здравствуй, май!.. Души моей - отрада!
Голубым огнём пылай в груди!

1954

* * *

За окном всю ночь грустит гармоника...
Может, кто-то в первый раз узнал,
Как его, девичьих глаз поклонника,
Сердцеед какой-то обогнал.

И пускай в его груди смятение,
Плачет пусть гармоника о ней, -
Разве он предъявит обвинение
Той, что всех безвинней и нежней?

Виновата разве в том любимая,
Что он так доверчив, но не смел?
Так пускай, пускай теперь с другим она,
Раз её увлечь он не сумел.

Ведь тому, кто в первый раз влюбляется,
О любви не рассказать своей...
Оттого, наверно, заливаётся
За окном какой-то «соловей».

Июнь 1956

МАЙСКАЯ НОЧЬ

Помню майскую ночь
в том заветном саду
И сирени кусты
в серебристом цвету.

Золотила луна
рябь седых облаков,
В грудь вливался волной
нежный запах цветов.

Нам не пели с тобою
тогда соловьи.
Без признаний и слёз
мы открылись в любви.

Ты прижалась ко мне
от прохлады ночной...
До сих пор не пойму я,
что было со мной.

Целовались с тобой
мы тогда до утра.
Виновата в том
юная наша пора.

Незаметно и быстро
растаяла ночь...
Сколько лет с той поры
пролетело уж прочь!

Ничего не осталось
от юной любви.
Позабылись
и губы, и руки твои.

Только майская ночь
и тот сад при луне
Часто видятся мне,
часто видятся мне.

1956

МИГ ЧУДА

Зелен день...
Ах, как всегда их мало -
дней таких!
За ними жёлтых рать
явиться с печалью о зелёных,
с ожиданьем вихря
белых дней.

Белые
без всяких сантиментов
вдруг нагрянут,
будут длиться долго.
Но опять
придёт всем дням начало,
как салют -
стоцветная весна.

В смене дней,
летающих по орбите,
каждый миг
встречаю я как чудо...
Только знаю:
чуда нет чудесней -
в майский день
цветка рожденья миг.

1985

СВЕРДЛОВСКУ

До свиданья! До новой встречи!
Милый город, я так привык
К твоим улицам, к твоей речи,
К зимним будням за чтеньем книг.

Под листвою зелёно-крылатой –
Это помню я, как сейчас, -
Ты принял меня, словно брата,
Незнакомого - в ранний час.

Душу юную взбудоражил,
Закружил и влюбил в себя.
И теперь вот мне странно даже,
Что с тобою прощаюсь я.

В полдень мой отбывает скорый,
И печален я, и счастлив.
Домом будут мне степь и горы,
Одеялом - зари разлив.

И когда будет звёздно, лунно,
А друзей не замрут голоса, –
О тебе под шальные струны
Кину песенку в небеса.

1957

Свердловск

КАЗАХСТАНСКОЕ УТРО

Тишина. Рассвет над Казахстаном.
Небо мутно, словно в молоке.
Тишина, но где-то неустанно
Тарахтят моторы вдалеке.

Это утро хмурое, сырое.
Только дни такие здесь редки.
С прошлогодней выжженной травой
Пустыри я вижу да пески.

Здесь вокруг на сотни километров,
Было время, сколько не кричи, -
Только свистом вам ответят ветры,
Да столбом завихрятся смерчи.

А сегодня в дикие просторы
Юность дерзко направляет сталь.
И недаром тарахтят моторы,
Будоража дремлющую даль.

Там вон видно, как у переката
Самосвалы в степь везут зерно.
И сигналият, торопясь, ребята –
Шоферня друг другу озорно.

Да и я ведь здесь не лишний третий:
Буровая вышка за холмом
Через час и примет, и приветит,
Словно это мой родимый дом.

Здесь мы все - целинник и геолог,
Кто грустить от скуки не привык, -
Поднимаем тайных кладов полог,
Открываем новый материк.

1957

Домбаровка,

Актюбинская обл.

Уральская геол. разв. партия

ВЕСЕННИЙ ДЕНЬ

Опять в посёлке
шум и звонкий смех,
И на душе опять –
то грусть, то радость.
Причин особых нет, -
а просто снег
Сошёл на нет,
чернея у ограды.

Девчонки прыгают,
заняв сухой асфальт.
Я обхожу их,
наступая в лужи.
И встречных женщин
лиц овал
Немножко
голову мне кружит.

А ветер, ветер –
буйный мальчуган
Свистит в три пальца,
разгоняя тучи.
И тянется рука в карман,
Чтоб записать про всё...
на случай...

1968

МОНОЛОГ ЧУДАКА

Я опоздал, я опоздал!..
Я всё хотел на лыжах выйти,
А снег - уже водою стал,
Хоть в лужах плавай на корыте.

Теперь бы хоть не прозевать,
И лишь апрель всю сгонит воду,
В логах подснежников нарвать...
К стыду - я их не видел сроду!

А как нарву - то подарить...
Кому дарить? Ведь нет любимой!..
Вот, завтра встану до зари –
Промчись попробуй, время, мимо!

1968

* * *

На призывный крик скворца
Выхожу весне навстречу:
Всё и всюду без конца
Одарилось снова речью.

Там и тут поют ручьи,
Воробьи горланят хором...
Словно кто-то поручил –
Мне опять умчаться за город.

Снова синь в глаза мне бьёт,
Даль опять передо мною.
Ощущаю, словно взлёт,
Притяжение земное.

Рад оттаявшим буграм,
Зла зиме не поминая...
Так ли много надо нам?
После вьюг - дожждаться мая.

1980

Холодны пускай рассветы –
Зелена ещё трава,
И про лето у поэтов
Недошепчены слова.

До утра считает звёзды
Одуванчик на лугу.
Отпуск взяв, совсем не поздно
В степь сбежать, уйти в тайгу.

Мне недаром постоянно
Нынче снятся всё ясней
То скалистые Саяны,
То бурлящий Енисей.

Не рыбак я,
не охотник.
Этой страсти я лишён.
Я брожу всего охотней
Просто так...
С карандашом...

Ничего не надо,
кроме:
Роль скитальца полюбя,
Ощущать,
как мир огромен
И песчинкою - себя.

1976

ЧТО ЖАЛЕТЬ О ТОМ ЦЫГАНУ

(Пой, цыганская струна!)

Эй вы, бубны!.. Эй вы, струны!..
И цыганских песен грусть!..
Уж не в том ли поле лунном
Родились вы, что и Русь?..

Удаль, горе, смех сквозь слёзы –
Всё, как ярый ураган...
Свист пурги и скрип полозьев...
Так страдал, так жил цыган.

И куда стремились кони?
Где цыгана ждал очаг?
И мольба какой иконе
У него жила в очах?

То зима, то снова лето...
То селение, то яр...
Свет костров... И до рассвета
Скрипок плач и звон гитар.

И в рыдальных лился песнях
Роковых страстей разгул...
Только кони неизвестно
Под какой исчезли гул.

И в какие скрылся дали
Табор? Может, в небеса...
Чьи-то души отстрадали,
Чья-то высохла слеза...

И уже не яр - эстрада,
Не луна - прожектора.
И не знает внучка Радда
Про далёкое вчера.

Что жалеть о том цыгану,
И цыганке что тужить?..
Свой шатёр покинув рваный,
Вы ушли в другую жизнь.

Пусть звезда вам ярче светит
И в зенит летит она.
Только вновь про степь и ветер
Пой, цыганская струна!

Про любовь звени, про очи,
И про радость, и печаль,
Да про тот костёр, что ночью
Звал в обманчивую даль...

Эй вы, бубны!.. Эй, гитары!..
И цыганских песен грусть!..
Только грянут - я в ударе
Им в любви своей клянусь.

1981

МАХНЕМ НА СЕВЕР

Махнем на Север!
В тундровую зыбь...
Не за рублём,
хоть он совсем не лишен.
Одной там вьюге
можешь крикнуть:
- Сыпь!
А будешь сразу -
десятью услышан.

Там, говорят, олени на рогах
Издалека
приносят счастье
людям.
Там можешь в топях
рыжих
и в снегах
Ты испытать, как путь бывает
труден.

Махнём на Север!
И пускай огнём
Сгорит всё слабое в нас
и пустое.
Мы не за то ль
себя порой клянём,
Что в собственных
глазах
так мало стоим.

Махнём на Север!
Ночь там - белый день,
А днём лучи «Медведиц»
бьют отвесно.

Я точно знаю:
в тундре, как нигде,
Простор любой
фантазии
и песне.

Ещё в тебе
не так уж мало сил,
Уютом призрачным
ещё не сломлен.
Немало ты когда-то
колесил.

Давай-ка вновь,
мой друг,
Мы юность вспомним!

Махнём на Север!
Чтоб в конце,
потом...

Ты мог поведать -
пусть узнают внуки, -
Что изваять на льдине
можно дом,
Но ничего не сотворить -
на скуке.

1975

НА ДАМБЕ

Заката как будто
страницы листаю:
Вдоль дамбы иду я
и Блока читаю.
Читаю стихи
над озёрною рябью.
Я душу стихами
ничью не ограблю.

Кедрач и осины
застыли, внимая.
Мне кажется,
Блока они понимают.
И, может быть, видится
профиль им тонкий
Таинственной блоковской
незнакомки.

...Она появлялась
из сказочной дали.
Поэта мечта! Вообще
Ты была ли?
Была?.. Или, может-
всё вымысел это?
Пусть это –
останется тайной поэта...

А я... незнакомку
свою вспоминаю.
И то, что она существует,
я знаю.
Но ей безразлично -
отлично иль плохо
Сейчас я читаю
над озером Блока.

Зато в утешение:
волны - три крошки -
Я смолк- заплескали
в сырые ладошки.

1992

НА БЕРЕГУ

А катер мой не дождался,
Пока я с горы сбегу.
Напрасно я звал, метался
На утреннем берегу.

Как лебедь, неторопливо
Он отошёл в тот миг,
Когда я, почти счастливый,
Причала ногой достиг.

Он скрылся в тумане белом
Навстречу солнца лучам...
На берегу был я - телом,
Душою - был с ним я, там.

Мне катер казался чудом,
И виделся люд на нём:
Инопланетным людом,
С небесным в глазах огнём.

И были мне так до боли
Все те, кто там плыл, близки,
Что стискивал поневоле
Ладонями я виски.

Но воздух лишь стал прозрачным,
И катер себя принёс, -
Увидел я, как невзрачны
Его и корма, и нос.

И люд был, сошедший, тоже –
Обычный, земной вполне...
Лишь час тому - отчего же
Кричало всё так во мне?..

Ах, глупое наваждение!..
Воображенья бред!..
Ни этим ли, тем не менее, -
И дорог мне этот свет.

1985

АРТЫШТА

Что говорить,
не сельский житель я,
Но и совсем -
не обожатель лоджий...
Мне видится:
сырая колея
И перемешанный со снегом
дождик.

Деревня видится мне
Артышта,
Где за оградами -
овраг дремучий...
Ах, живописцы!
Как вас в те места,
Я удивляюсь,
не забросил случай?

Там всё, что надо:
сосны и холмы,
И дым из труб,
и березняк, и поле...
Вот заявлюсь туда
среди зимы
И подружусь там с ребятнею
в школе,

В той, что стоит спокойно
на краю,
И от которой веет так
уютом.
И, может, буду я
судьбу свою
Благодарить,
зарю встречая утром.

И я скажу ученикам своим,
Что поэтичней
нет угла в округе,
Что повезло
в селе родится им,
Где был я только
гостем на досуге.

1983

МАШИНИСТ

Сто сорок джинов
 в паровых котлах.
Они б котлы
 разворотили в прах,
Но машинист -
 совсем не зря у пульта.
Он - чародей, он - маг,
 специалист,
И не один лишь только
 адский свист,
Он слышит джинов тех -
 биенье пульса.

Он изучил
 их неуёмный нрав,
И лишь добру - не злу,
 служить призвав,
Едва к ключу
 рукою прикоснётся -
И, не жалея
 исполинских спин,
Так крутят джины
 лопасти турбин -
У повелителя
 душа смеётся.

Душа ещё
 так рада потому:
Свет и тепло
 дарить дано ему,
А это, в общем, -
 счастьем и зовётся.

Вот не забыть бы только
 про того,
Не приручил кто джина
 своего,
Кому счастливым быть
 не удаётся...

1983

УГОЛЁК

Не подземный, и всё ж - забой.
Слева - сланцы, а справа - уголь.
Из романтиков здесь любой
Доказать свою сможет удаль.

Я про удаль совсем не ту,
Что порою - хамит и лает...
Уголь чувствует доброту,
Душу чуткую понимает.

Если ковш - не дракона зев,
Коль в чести - и предел и мера,
Уголь, хмурость преодолев,
Станет дружбы, поверь, примером:

Чтоб не снилась тебе печаль,
Что остыли вдруг всюду печи,
Скажет он: «Мне огня не жаль!
Грейся, праведный человече!

Удаль мудрую проявляй,
Управляя железной силой, -
Только рая не разоряй
На планете - и камню милой.

Речка рядом - её не тронь!
Не распни ни ежа, ни лося –
Лучше в руки возьми гармонь,
Чтобы им веселей жилося...»

Если глух к речи камня ты,
Все на свете презрел каноны –
Неминуемо - жди беды,
Дуралеевой жди короны.

Коли рай превратил ты в ад
То ль по глупости, то ль во гневе –
Проклянёт тебя стар и млад,
И дитя, что ещё во чреве...

Уголёк, не кричащий век,
Слышишь, нынче взывает в дрожи:
«Будь разумнее! Ты ведь можешь!
Ното Sapiens! Человек!»

1989

В БОЛЬНИЦЕ

В это летнее утро в росе
Я сбежал из больничного плена,
Чтобы все, до единой чтоб все,
Алым соком наполнились вены.

Ах, внимательный докторши взгляд
Держит память замороженно!
Только душен мне воздух палат –
По дорожке бегу стадионной.

Впереди старикан с бородой.
Мы, как спутники в вихре орбиты.
Он уж круг завершает шестой –
Я упал на втором, как убитый.

Знать, ему, «Бороде», стадион
Стал давно врачомателем-другом.
По сравнению с ним я - пижон.
Оттого и подвержен недугам.

Не бежал я всю жизнь, а спешил.
Ни в Венеции не был, ни в Ницце.
Словно только мечтою и жил –
О какой-нибудь милой больнице...

К половине восьмого опять
Я на койке, как голубь подбитый...
Завтра встану не в шесть я, а в пять –
Сердце выведу на орбиту.

Июнь 1989

Белово, больница № 1, палата № 2

НА РИЖСКОМ ВЗМОРЬЕ

Я на взморье Рижского залива.
Мир вокруг и сказочен, и прост:
Серебристой волны машут гривой,
Чудо-сосны - в великанский рост.

Проплывают в тишине, как вечность,
Лебединой стаей облака...
Из Сибири отпускник беспечный,
Удивлён я и смущён слегка.

Я не ждал, что так необычайно,
Нежно будут волны петь у ног, -
Только мнится: лет немая тайна
Холодит прибрежных дюн песок.

Видно, с моря злые каравеллы
Разгоняли дюн глубокий сон.
И в сраженьях новых гром обстрела
Заглушал людей и сосен стон...

Я иду. В моей душе молитва
По убитым в разные века.
Да исчезнет, сгинет слово «битва»!
Мир вам, дюны, волны, облака.

У меня чиста пред вами совесть.
Может, этим - только и счастлив.
Не латыш пускай я, не литовец -
Синь твою боготворю, залив!..

1968

* * *

Охватило пыланьем листья...
Только веткам
вдруг зябко стало.
Это осень лисой огнистой
Заметалась и замелькала.

Зря не цель в ту лисицу
выстрел,
И не ставь на неё капканы:
Видишь, ветер как лечит
быстро
На дрожащей осине раны.

Видишь, след исчезает
лисий
За дорогою,
там, где колки...
Скоро, скоро вот с этих
высей
Полетят метелей иголки.

Лишь останется от пыланья,
От мельканья
лисицы рыжей
Боль жестокая расставанья,
Словно сам я горел, да выжил...

1968

* * *

Ах, осень! А осень такая:
В поступках своих вольна,
Желаниям потакая,
Всё дарит
тепло
она.

И, как от улыбки любимой
Иль друга пожатья руки, –
То грустно неодолимо,
То весело
вопреки

Тому, что уже на излёте
Рябинных костров пора, -
Ведь новое
в своей плоти
Деревьев таит кора!

И новому этому снова
Шуметь и вовсю цвести...
И в муках рождения слова
Кому-то опять брести.

1983

НЕВИДИМКА

Поднимаю плаща воротник.
Ждать, наверное, долго попутки.
Вновь сквозь серую морось возник
Облик девичий, нежный и хрупкий,

Весь из света и из тепла,
Словно солнца пробившийся
лучик.
Невидимкою подошла,
Улыбнулась улыбкой певучей.

На щеках полыхнула заря,
Грудь вздохнула под кофточкой
тонкой.
Прошептала: «Дружочек мой, зря
Разлюбил ты простую девчонку.

После вихря промчавшихся лет,
Знаю - сердце раскаянье гложет...»
Я молчу. Я смотрю тебе вслед.
Мой ответ ничему не поможет.

Всё равно ведь ни мне, ни тебе
Что напутано - не распутать.
Мне одно остается лишь - петь
О тебе в ожиданье попуток.

На дорогах, когда моросит
И душа отсыревшая плачет, -
Твой, моя невидимка, визит
Для меня что-то всё-таки значит.

1985

* * *

Уже не синь, а только просинь,
Да приморози серебро...
Я вижу, как берёшь ты, осень,
Не кисть - железное перо.

И, нагоняя холод в душу,
Не только в душу - в фонари,
Продрогший сквер рисуешь тушью
На бледном полотне зари.

Заломленные пальцы веток
В мольбе застыли о тепле...
О выдай, небо, напоследок
Что недоотдано земле!

1963

БЕССОННИЦА

Когда на город снег летит
И свет от фонарей струится,
Как вам - не знаю, мне - не спится,
И в переулках заблудиться –
Нет, мне никто не запретит.

Кто запретит снежинок рой
Мне конницей назвать летящей?
Снег атакует город спящий.
Но он не враг, бедой грозящий,
Не учиняет он разбой.

Он превращает город в цирк.
Жаль, этот цирк не видят дети:
Как всё вокруг летит на свете,
Как фонарики лукаво светят
Во все концы, во все концы.

И я на этот свет иду
В надежде, что кого-то встречу,
Что будет весело от встречи.
Порой касаться будут плечи,
И речи будут, как в бреду.

А если до утра совсем
Я никого не встречу всё же,
На рифмы грусть я перемножу,
И, как философ, подытожу:
Дано всю ночь не спать не всем.

И заключу, что и метель
Быть может нежною подругой,
Фонарь любой - весёлым другом,
Но от душевного недуга
Не в силах излечить постель.

1980

ВЕТЕР

С ветвей осыпав бахрому,
Шлифует ветер перекрёстки,
Неподотчётный никому.
То замирающий, то хлёсткий.

Намёл к ногам берёз сугроб
Совсем не из шальной отваги –
Теплей берёзкам было чтоб,
А по весне - испить им влаги.

Для лыжников он чудо - наст
Утрамбовал за стадионом.
И разогнал он дыма пласт –
И задышалось вдруг озоном.

Потом он лист газетный рвал
И гнал его туда, где свалка.
В нём ложь вела такой аврал,
Что вегру было лист не жалко.

А ночью - мне стучал в окно:
«Ну, выходи же, ради бога!
Смотри, висит луна давно,
И светится стеклом дорога...»

И я его благодарю
За беспокойство и тревогу!
И никогда не укорю
За слишком скользкую дорогу.

1992

ИДЕАЛУ

В лицо мироздания рябое
На бешеном жизненном кроссе
Давай рассмеёмся с тобою
Над тем, чего не было вовсе.

Над тем - что лишь было возможно,
И всё же - не состоялось.
Над тем - что так просто и сложно...
Ты даже мечтой не осталась.

Ты только осталась звездой,
Порою в ночи светящей,
В ручье - журчащей водою,
Озябшей синицей - в чаще.

Тебя в любой ипостаси,
Неузнанную, - узнаю я...
Не претендуя на счастье
И ни к кому не ревную.

1988

ПРАЗДНИК НА ЧАС

Не успел совершить я побег
В ближний сквер на рассвете из дома,
Как сразил меня хлопьями снег...
А воскрес я - мне всё незнакомо!

Колдовство!.. Карусель!.. Благодать!..
Стали вдруг невидимками ели...
О каком ещё чуде мечтать?
Воробьи вон и те обалдели!

Что, казалось бы, им снегопад,
В честь которого - бурное скерцо?
Значит, белых снежинок парад
И воробушка радует сердце.

Этот праздник - всего лишь на час,
Но на морде у рыжей собаки,
Вечно рвущейся в дикие драки,
Я улыбку заметил сейчас.

И... аукнулась вмиг немота
Анапестами, ямбом, хореем...
Надо мной словно ангелы реют,
И беззвучно поют их уста.

1991

Снова апреля лучами
Выпиты залпом снега.
Скоро цветения пламя
Месяц взметнёт на рога.

Словно беседа с небом,
Зашелестят тополя.
Быль повествуя? Иль небыль?
Или о чём-то моля?

Вот бы и мне помолиться
В небо широким крестом,
Чтобы вернувшимся птицам
Снова увидеть свой дом.

Только вон там у оврага
Рощица - сожжена:
С пьяною, видно, ватагой
Тешился сатана.

Там, где разлилось болото,
Где задохнулись поля –
Хохотом давится кто-то.
Кто-то - и только не я.

Вздоргну от скворушек крика
И невзначай изреку:
- Всем нам повыпало лиха
На сумасшедшем веку!..

Всё же и мне, и синице,
Дятлу, и воробью
Пламя цветения снится,
Верится в участь свою.

Апрель 1997

ФРЕГАТ

Кончен бал метелей. Я недаром
Тороплюсь на свой забытый сад.
Словно нужно поскорей от кары
На пиратский мне попасть фрегат.

От квартирному телециклопа,
Пожирающего человеческий мозг,
Я бегу - ему меня не слопать.
На фрегате наведу я лоск.

Вот - свободны окна от задроя,
Как на мачту, влез я на чердак...
Глянул сверху: мамочка родная, -
Море-озеро на двадцати верстах!

Обождите, грабли и лопата!
У чердачной постою двери...
Повезло мне всё-таки с фрегатом,
С морем - тоже. Дьявол побери!

Здесь мой отдых и вторая смена,
Здесь я сам - матрос и адмирал.
От невзгод, от хаоса, от тлена
Я фрегат пиратский отыскал.

Чайка издали крылом сверкнула.
«Якоря, - вскричала, - поднимай!..»
Ах, как быстро зимушка минула!
Промелькнёт ещё быстрее май...

Май 1997

ВЫПУСКНИЦЕ КОЛЛЕДЖА

О.Юровой

Как самолёту, что уходит ввысь,
Желаю Вам безветренной погоды,
Чтоб Вам любви на всю хватило жизнь,
Чтоб не состарили вовек Вас годы.
Чтоб Вы могли в любую даль лететь
И возвратиться в милые пенаты,
Чтоб Вам всегда хотелось громко петь
И чтоб на всё хватало Вам зарплаты.
А если всё окажется не так
(Жесток порою мир - Вы это знайте!
Есть солнца свет, но есть и ночи мрак).
Вы всё равно, прошу, не унывайте!
Заголубеют снова небеса!..
Какая б только буря не случилась –
Не может быть, чтоб даль не прояснилась...
Прошу Вас очень, верьте в чудеса,
Чтоб счастье длилось, длилось,
длилось, длилось, длилось!

Май 1997

ДИКАЯ ЯБЛОНЬКА

Дикая яблонька, дикая яблонька!
Мне на тебя наглядеться невмочь.
Ты мне скажи, моя дикая яблонька,
Чья ты такая красивая дочь?

Может быть, дочка ты феи-волшебницы?
Или Прекрасной Елены ты дочь?
Или от Матери Божьей по лестнице
С неба спустилась ты в майскую ночь?

В белом наряде стоишь за оградой,
Словно ко мне на свиданье пришла.
Лишь для того, чтобы сердце обрадовать,
Чтобы мечта о любви ожила.

Белых цветов твоих, дикая яблонька,
Молча любуюсь, я не прикоснусь.
Только тебя, моя дикая яблонька,
Вечной любовью любить я клянусь.

27 мая 1998

БЛАГОДАРЮ ТЕБЯ, ЛЕТО

За то, что пекло
и за то, что ты лило,
За то, что ты молнией
не сразило, -
Благодарю тебя, лето!

А если я падал, -
то лишь от усталости.
За то, что мне вовсе
не легким досталось ты,
Благодарю тебя, лето!

Катил и катил я
то в город, то в сёла.
За то, что встречались мне
люди весёлые
Благодарю тебя, лето!

Я сам не из тех,
кто впадает в уныние,
И это вот- главной
считаю я линией.

За то, что ты другом
являлось мне в этом,
Благодарю тебя, лето!
Благодарю тебя, лето...

1982

МАЛИНОВЫЙ ПЛАТОК

Малину я над речкой собираю.
Ах, ягода малина, ты сладка!
А сам тебя, тебя всё вспоминаю –
В малиновом платке и без платка.

Я не забыл малиновые зори.
Чтоб я тогда в любовь поверить мог-
Себе на плечи ты на косогоре
Накинула малиновый платок.

И стала вдруг малиновою речка,
И облака уплыли на покой.
Мы целовались... И над нами свечка
Зажглась звезды ... неведомо какой.

Ночную пахли волосы фиалкой.
Встречали мы малиновый рассвет.
Платок унёс куда-то ветер...

Жалко!

Где ты сегодня?.. Кто мне даст ответ?..

1999

Царство золота и тени,
Хрусталя, голубизны...
И опять тоской осенней
Думы все напоены.

Невозвратных дней похмелье,
Словно камень, давит грудь.
Где вы, юность и веселье?
Хоть на час бы вас вернуть!..

Чтобы мир казался проще,
Заглушая сердца стон,
В тишь оранжевую рощи
Я ныряю, словно в сон.

Выхожу к реке и к ивам,
Долго всматриваюсь в синь.
Только - нет... и над обрывом
На душе - одна полынь.

Наконец я понял: надо –
Видно, в том тоски секрет –
Чтобы шла с тобою рядом
Та, которой рядом нет.

28 сентября 1997

Говори мне, говори.
Говори про всё, что знаешь.
И про то, что ты не знаешь,
Ты мне тоже говори!

Лишь бы голос твой звучал,
Словно плеск волны озёрной.
Буду я тебя покорно
Слушать молча, как причал.

А когда (уж что скрывать)
Вдруг твои устанут губы,
Я скажу тебе негрубо:
- Дай... мне их поцеловать!..

Август 1997

Обезлюдевший пляж,
призамёрзшая заводь...
Перламутрово-розовый,
льдистый восход...
Никогда не кружила
мне голову зависть.
Лишь зимы, как и прежде,
волнует приход.

То бросает в тоску,
словно злобная участь
Предо мною готова
открыть свою пасть.
То душа воспарит, -
и летают созвучья,
Чтобы хлопьями снега
на землю упасть.

Как смогу
эту твердь я согрею
стихами -
Этот берег и пруд,
не застывший пока...
Значит, жив я ещё,
если сердце - не камень,
Если грусти и радости
плещет река.

1990

Лишь было мигом лето,
Ещё короче осень.
Ну, а кому за это
Упрёк мы с вами бросим?

Уж и метель в глаза нам,
Белым-бела дорога.
Нас не понять южанам,
У них там солнца много.

Там виноград и дыни,
Там алых роз охапки,
И от колючей стыни
Искать не надо шапки.

Но, по теплу тоскуя,
Край, где не греет роба.
За теплоту людскую –
Не разлюбить... Не пробуй!

Я, в миражах объятьи.
Края знавал другие –
И чуть с ума не спятил
От жути ностальгии.

Нет от тоски такому,
Чтоб исцелиться, средства --
Лишь воротиться к дому
И в закоулки детства.

И пусть в глаза - пурга мне,
Белым-бела дорога --
Лежал где раньше камень,
Теперь - душа от Бога.

1980

Спешу, спешу...
отчаянно спешу!
Спешу -
и никуда не успеваю.
Вот эти строчки
на бегу пишу,
Пишу в уме.
Блокнот не вынимаю.

До электрички
добежав едва,
Купить
не успеваю я билета.
Вот ревизор, а впрочем –
даже два...
Спешить - беда!
Проклятье века это!..

И потому порой,
как выстрел ввысь,
Когда промчится поезд
вдоль откоса,
Я слышу крик души: «Остановись!
Не пощадят
чугунные колёса...

И кто поймёт
трагический конец?
И даже люди близкие
в итоге
Подумают, скорей всего:
– Глупец...
Куда его несли
так резво ноги!..»

1990

На распутье

БЫТЬ МОЖЕТ

«Уйти, потихоньку уйти,
Уйти, никого не тревожа.
Пусть звёзды ночные в пути
Иную судьбу мне ворожат,
Свободную - от нелюбви,
Где зори, ковыль, да отроги,
Да дерзость бродяжья в крови...
Вот только бы вынесли ноги!

А если я вдруг упаду,
И с белым расстанусь я светом, -
Кого упрекать за беду?
Рука провидения в этом!»...
Так, может быть, думал Толстой,
Своё покидая именье,
Решая вопрос непростой,
Как фабулу произведенья.

1998

ИСПОВЕДЬ «ДОН-КИХОТА»

Кружись и шурши, листва!
Где лето?.. Где силы вешние?..
Частицы от естества,
Уже мы почти - нездешние.

Дотлели чувства. Конец.
Одни лишь вспышки эмоций.
И сам я почти мертвец.
А может - броситься с моста?

Но вздрогнула вдруг душа.
О, рыжая осень - львица!..
Ах, как бы, тоску глуша,
Хотелось опять влюбиться!

Хотя бы - вон в ту сосну,
В обрыва изгиб летящий, -
Чтоб, отходя ко сну,
Опять казалось, что счастлив.

Чтоб наплывал покой,
И... выплывали строки, -
Когда я коснусь щекой
В безбрежной степи осоки.

О степь! О заря! О плёс!
Я нужен вам, чую кожей.
Умрёт без меня мой пёс.
Дворняге я нужен тоже.

А для девиц - вполне
Теперь я паяц, не боле.
Вот вижу: навстречу мне
Летит Дульсиней-Оля.

«Ты мой, - кричу, - идеал!..
Я - Дон-Кихот усталый!..»
Лишь хохота дикий вал -
В ответ из губ идеала.

И всё же, хоть в сердце боль,
Собою вполне владею...
Мне б только не сбиться на роль
Какого-нибудь злодея.

Так страшно, чтоб шёпот: «Вор!» -
В лицо вам... Я протестую!
Пускай, чем этот укор -
Сожгут или четвертуют...

И пусть я - убог и сир.
Согласен, с клеймом изгоя,
Любить всё ж гот самый мир,
Лишён в котором покоя.

1992

На распутье стою одичало,
Взор вонзив в беспредельную высь...
Где-то там наше с вами начало,
Где-то прежде мы там родились.

Где-то там сотворённые души,
Атмосферу земную пройдя,
Появляются зернышком груши,
Чтоб назвать себя именем «Я».

И во времени Я, и в пространстве...
Где возникнуть?.. когда?.. и кому? –
Даже в самом провидческом трансе
Отгадать не под силу уму.

Это словно игра в лотерею –
Повезёт или не повезёт:
Роль достанется то ли злодея?
То ль пророка Земля обретёт?

И не чьё-нибудь Я – не чужое,
Кроме прочих бесчисленных Я,
Именуемое «Душою»,
Неродившийся!.. ждёт и тебя.

Я придёт... И уйдёт восвосяи
От безумства... страданий... проблем...
А вопрос будет также не ясен:
Это нужно всё было – зачем?!

Июнь 2004

А в саду моём нынче пороша:
С белых вишен летят лепестки.
Ветер, другом ты был мне хорошим.
Дружбе ты поступил вопреки.

Для потехи ты целому свету
Рвёшь цветения тонкую нить.
Я жестокою ветреность эту
Не сумею тебе извинить...

Для спасения – нет, не для мести,
Пусть посорваны с веток цветы –
Запалю я костёр в поднебесье,
Вознесусь от печали в мечты.

Май 2005

Неужели, неужели
Всё напрасно, всё зазря
Пели белые метели,
Разливалась заря,

Поднимался месяц ясный,
Шелестели тополя?..
Неужели всё напрасно:
Горевал, смеялся я,

И порой влюблялся, пылкий,
Сочинял стихи в бреду?..
Неужели на могилки
Я уйду и не приду?

В этот мир ужель обратно
Не сорвать мне дверь с петель?
Пусть за муки, не бесплатно!
Неужели, неужель?

Неужели всё, что было –
Только шутка и обман?..
Что цвело, играло силой –
Испарится, как туман!

За неведомым пределом
Потекут в ничто года...
Нет... душа, расставшись с телом,
Не вернётся... никогда.

Если даже и вернётся
В край, что был родным тебе:
«Нет любимых! - ужаснётся, -
Лучше мрак... небытие!».

1991

Промелькнуло времечко неожиданно...
В миг цветенья разве не вчера
С самой нежной, самую желанной
Над рекой встречал я вечера?

У девчонки – косы ученицы,
На лице наивный взлёт бровей.
Я давно в неё успел влюбиться,
Не умея в том признаться ей.

Всё, что мы друг другу не сказали,
Опасаясь невзначай солгать, -
Говорили бессловесно дали
И реки задумчивая гладь.

Восхищались мы огнём заката,
И мечты летели на звезду ..
Всё прошло, всё кануло куда-то.
К той реке уже я не приду.

Та река и годы те далече.
Словно дым рассеялись мечты.
Я один встречаю алый вечер.
Лишь во сне ко мне приходишь ты.

Август 2000

Сердце, тише стучи!
Ты уже у меня на пределе.
Улетают грачи,
И, как листья, несутся недели.

В вышине птичий зов
На багряном напрасен восходе:
У песочных часов
Уж последний запас на исходе.

Горевать ни к чему.
Сердце пусть разорвётся на части...
Пожелай улетающим счастья!
Неизвестно – труднее кому.

Октябрь 2001

ПОКАЯНИЕ

Прошу прощения у Бога
И над собою суд вершу,
За то, что жил я так убого,
Что дни былые ворошу.

Как будто мерзкие страницы
Я рву из памяти моей.
И не могу остановиться.
Мне всё больнее и больней.

В себе свой мир вчерашний рушу.
И Бога умоляю я:
Освободить от боли душу,
Чтоб жить мне этот мир любя...

И снизашёл Всевышний, то есть –
Во сне подал мне голос свой:
«Читай Моих пророков повесть
И в радость верь – пока живой...»

Март 2004

ПЕТРАРКА – ЛАУРЕ

Мы ни в чём не виноваты
Перед святостью любой .
Наших встреч случайных даты
Обозначены судьбой!

Только ведь она – слепая.
И без умысла и зла,
Ничего не понимая,
И свела и развела.

И дорогою окольной
Унеслась давным-давно.
Что кому-то очень больно –
Ей, наверно, всё равно.

На неё нелепо злиться...
Чтоб рассудок уберечь,
С нею надо примириться:
Позабыть секунды встреч.

Только память. только память
Как ведро не утопить,
Не закинуть словно камень,
Как свечу не погасить.

Сердца трепетного стоны –
Нет, не в золото монет –
Превратятся пусть в канцоны
И хрустальный звон сонет.

Простирая к небу руки,
Я несую любовь к тебе –
С благодарностью за муки,
С благодарностью судьбе.

1 марта 2006

БЛАГОДАРИ «КОГО НЕ ЗНАЕМ МЫ»

Благодари не мать и не отца,
Что дали плоть. Благодари Иного,
Чьё и в лучах не различить лица,
Не уловить единственного слова.

Не постижим Он испокон уму
И никогда разгаданным не будет, -
Но мрак и свет принадлежат Ему
И боль, что чувствуют и зверь и люди.

Из урагана невидимок-душ
Искрой мелькнёт лишь только раз, любая:
И выползет на свет, быть может; уж,
Родит кротица кротика, слепая.

Благодари «Кого не знаем мы»,
Что не рождён ты волком или рысью.
Вот только бойся – вовсе не сумы -
Себе блаженство обрести корыстью.

На всех делил Христос один кусок
И шёл к любому – не с войной, а с миром,
И потому восстать из мёртвых смог,
И потому с Иудой проклят Ирод.

Благодари «Кого не знаем мы»,
За то что вдруг нисходят к нам пророки,
Чтоб именами называть пороки
И мир спасти от алчности чумы.

Январь 2006

Мчать по жизни каково,
Не имея в сердце Бога?..
И не верил бы в Него –
Только легче с Ним дорога.

Одичавшему в пути
Самый крепкий посох – Вера.
И надёжней – не найти,
Даже это пусть химера.

Утешенье -- небеса,
Роща тёмная и поле...
Надо верить в чудеса,
В доброту Предвечной Воли.

10 февраля 2006

СОДЕРЖАНИЕ

О себе	4
--------------	---

КАМУШКИ ИЗ ДЕТСТВА

Русалка	6
Моей школе	7
На перроне	10
Вновь хочу увидеть море.....	12
Простите, чайки	14
Огольцы.....	16
Картинка из детства.....	18
Мальчиши.....	20
«Вот и снова снег голубоватый...»	21
«Иду, где потемней дорожки...»	22

ПРОЗДНИК НА ЧАС

Ода весне	25
«Опять покрылось небо мглюю...»	26
«Отчего мне так грустно становиться?...».....	27
«Вошли в мой мир...»	28
«Стонет ставня, словно мёрзлый полоз...»	29
«За окном морозная голубая ночь...»	30
«Здравствуй, май!..»	32

«За окном всю ночь грустит гармоника...»	33
Майская ночь.....	34
Миг чуда	36
Свердловску.....	37
Казахстанское утро	38
Весенний день	40
Монолог чудака	41
«На призывный крик скворца...»	42
«Холодны пускай рассветы...».....	43
Что жалеть о том цыгану.....	44
Махнём на Север	46
На дамбе	48
На берегу.....	50
Артышта.....	52
Машинист.....	54
Уголёк	56
В больнице	58
На Рижском взморье	59
«Охва тило пыланьем листья...»	60
«Ах, осень! А осень такая...»	61
Невидимка	62
Бессонница	64
Ветер.	66
Идсалу	67
Праздник на час	68
«Снова апреля лучами...»	69
Фрегат	71
Выпускнице колледжа	72
Дикая яблонька	73
Благодарю тебя, лето	74

Малиновый платок	75
«Царство золота и тени...»	76
«Говори мне, говори...»	77
«Обезлюдевший пляж...»	78
«Лишь было мигом лето...»	79
«Спешу, спешу...»	81

НА РАСПУТЬЕ

Быть может.....	84
Исповедь «Дон-Кихота	85
«На распутье стою одичало...»	87
«А в саду моём нынче проша...»	88
«Неужели, неужели...»	89
«Промелькнуло времечко неожиданно...»	91
«Сердце, тише стучи!..»	92
Покаяние	93
Петрарка - Лауре	94
Благодари «Кого незнаем мы»	95
«Мчать по жизни каково...»	96

Устьянцев Виктор Яковлевич

ПРАЗДНИК НА ЧАС

СТИХИ

Рисунки - автора

Отпечатано в ГП КО "Беловский полиграфист"

Кемеровская обл., г. Белово, ул. Чкалова, 18.

Печать офсетная. Гарнитура «PragmaticaC». Усл. п.л. 14,42

Зак. 9 Тир. 50 экз.

